

Фань Лянь с недоброй улыбкой сказал:

— Ой, нет! Со всеми, кто рядом, он ведёт себя так, кроме Невестки Пин. Ей он даже воду подаёт, проверяя, не слишком ли она горячая, как настоящий сын.

Он специально говорил это, чтобы разозлить Чэн Фэнтая. Чэн Фэнтай действительно почувствовал себя уязвлённым, считая, что Шан Сижуй — слепой дурак, который не ценит его усилий. На поверхности он ничего не сказал, но внутри был подавлен. Фань Лянь, видя это, решил смягчить ситуацию:

— Но, если подумать, ты ведь тоже ведёшь себя как сын по отношению к моей сестре. Так что его поведение с тобой не обязательно что-то значит.

— Сказав это, он захихикал и чокнулся с Чэн Фэнтаем:

— Просто с ним тебе придётся нелегко!

И снова выглядел довольным.

Чэн Фэнтай резко встал, допил виски и поставил бокал на стол:

— Какой там «с ним»!

Фань Лянь, склонив голову набок, ухмыляясь, наблюдал за его упрямством.

В доме Фаней было много людей и дел, и гостевых комнат не хватало. В комнате, где они остановились, всё ещё лежали весенние одеяла, небрунные, как в гостинице. В ту ночь Чэн Фэнтай остался в комнате Фань Ляня, и двое мужчин болтали до полуночи. На следующий день в полдень звонок телефона в конце коридора разбудил их обоих. Чэн Фэнтай, морщась, перевернулся, стараясь отодвинуться от Фань Ляня, и пробормотал, что ему жарко. Фань Лянь, не открывая глаз, шлёпнул Чэн Фэнтая по плоской груди, потрогал её и с тоской вздохнул.

Снаружи один из младших братьев Фань Ляня взял трубку, потом подбежал к их комнате, заглянул внутрь, не закрывая двери, и побежал обратно к телефону:

— Да! Шурина здесь! Мой брат тоже! Он обнимает шурина и спит!

Чэн Фэнтай вскочил и босиком вышел из комнаты, думая, что дети Фаней совсем не умеют говорить. Звонила Вторая госпожа: у командующего Цао появилась информация — грабителями оказались военные, так называемые «военные бандиты». Командующий Цао не имел с ними никаких связей, и этим бандитам не нужно было считаться с ним. Они ограбили партию товаров, вероятно, чтобы проверить, на что способны, и вымогать деньги.

Теперь, когда виновные были найдены, остальное было делом техники. Всё, что можно было решить деньгами, не было проблемой. Чэн Фэнтай вытащил Фань Ляня из постели, и они начали действовать. Командующий Цао оказывал давление на военных бандитов, Фань Лянь

занимался связями в правительстве, а Чэн Фэнтай искал пути для взяток. Так они провели два-три дня, и у Чэн Фэнтая не было времени ссориться с Шан Сижуюем.

Радость от пополнения в Тереме Водных Облаков временно отвлекла Шан Сижую от его гнева. Сам он был ещё молод, и если бы его ученики были близки ему по возрасту, это вызвало бы сплетни о его высокомерии. Шан Сижуй не хотел официально брать учеников, потому что его успехи и неудачи были его личными. Если ученик пел хорошо, это было одно, но если он пел плохо, люди могли сказать: «И это ученик Шан Сижую?» Он не хотел брать на себя эту ответственность. Хотя он не признавал формальных отношений учителя и ученика, он учил их с полной отдачей. Чжоу Сяньюнь, Ян Баоли и молодой актёр амплуа воина Сяо Юйлинь были его основными учениками. Шан Сижуй, почувствовав их, был недоволен тем, что их первые учителя не дали им прочной основы, и сам начал их тренировать, растягивая им ноги и руки, как будто они были глиняными фигурками. Чжоу Сяньюнь и Сяо Юйлинь справлялись лучше: Чжоу Сяньюнь был трудолюбивым ребёнком и продолжал тренироваться даже без контроля, а Сяо Юйлинь, как актёр амплуа воина, легко справлялся с растяжкой. Но Ян Баоли, избалованный и хитрый, не хотел прикладывать усилия в физической подготовке. Когда Шан Сижуй надавливал на него, он кричал от боли — конечно, методы Шан Сижую были строже, чем в обычных школах.

Ян Баоли визжал от боли, а Шан Сижуй ругал его:

— Смотри на себя! Ты даже не растянулся как следует, а уже выступаешь на сцене! Если бы я знал, что это будет так сложно, я бы вообще не взял тебя! Лучше бы я пригласил какого-нибудь любителя оперы!

Тем временем Чжоу Сяньюнь и Сяо Юйлинь тоже были в поту. Они стояли в стойке уже почти два часа, с кирпичами, привязанными к рукам и ногам. Сначала это казалось лёгким, но теперь казалось, что кости вот-вот сломаются. Они пришли петь оперы, а не заниматься акробатикой, и не понимали, зачем Шан Сижуй так их мучает. Чжоу Сяньюнь, всегда слабый здоровьем, перед уходом из труппы Юньси был избит Сы Си'эром, и это избиение словно включало в себя все страдания на следующие десять лет. Прохладный ветерок заставил его закружиться голова, и Шан Сижуй крикнул:

— Ветер подул, и ты закачался! Ты что, бумажный фонарь?

Затем он оглядел всех троих, взял полотенце у Сяо Лай и вытер пот:

— Кто ленится, того я приблюю!

Трое учеников были в отчаянии, чувствуя, что Шан Сижуй во время уроков был особенно жесток, или, возможно, в последнее время он вообще был особенно зол. У них было ощущение, что они вышли из пасти тигра, чтобы попасть в лапы волка. Но Сяо Лай хорошо понимала, откуда взялась эта ярость, и оставалась безучастной. «Ссора? Пусть ссорятся! — Лучше бы они поссорились и разошлись, давно пора!»

Шан Сижуй не раз ссорился с Чэн Фэнтаем, но обычно после короткого молчания Чэн Фэнтай начинал извиняться и шутить, чтобы его развеселить. Уйти и не появляться — такого никогда

не было. Он не знал, как оценить свой характер, потому что никогда раньше не был так близок с кем-то. Раньше Цзян Мэнпин занимала в его жизни место, подобное Чэн Фэнтаю, но его чувства к ней и к Чэн Фэнтаю были совершенно разными. Цзян Мэнпин была хрупкой женщиной, и Шан Сижуй заботился о ней, боясь, что она может пострадать. Что касается Чэн Фэнтая, Шан Сижуй позволял себе вести себя с ним как хотел, наблюдая, как тот старается изо всех сил, чтобы угодить ему. Он постоянно проверял границы Чэн Фэнтая, и тот устало и с трудом подыгрывал ему, его голос становился хриплым, а губы покрывались трещинами. Шан Сижуй чувствовал боль, но не уступал, потому что ещё не достиг предела Чэн Фэнтая, и это его бесило. Шан Сижуй никогда не признавал, что его чувства к Чэн Фэнтаю были более безрассудными.

Но этот неблагодарный Чэн Фэнтай!

Шан Сижуй провёл несколько дней в гневе, разобрал и собрал своих учеников, чтобы немного выпустить пар. Трое учеников смотрели на него, как на живой ад. Чжоу Сяньюнь стал ещё более молчаливым, Ян Баоли — ещё более льстивым, а Сяо Юйлинь старался не попадаться на глаза, держась от него на расстоянии. На пятый день холодной войны Шан Сижуй, всё ещё не дождавшись Чэн Фэнтая, чуть не сходил с ума, но вместо него пришёл Ду Ци.

Ду Ци, одетый в костюм, вошёл в заднюю часть сцены через узкий переулок. Шан Сижуй на мгновение подумал, что это Чэн Фэнтай, и его сердце забило, как будто в груди прыгала лягушка! Он сделал вид, что продолжает расчёсывать свои волосы, как будто ничего не произошло. Когда Ду Ци заговорил, он обернулся и, увидев его, тут же нахмурился, швырнув железный гребень на стол.

Ду Ци, держа в руках свёрнутый манускрипт, постучал им по голове Шан Сижую:

— Эй, господин Шан, что это ты швыряешься инструментами? Не рад меня видеть?

Шан Сижуй усмехнулся:

— Как можно, присаживайся.

Ду Ци бросил манускрипт ему на колени и устроился поудобнее:

— Я уже написал арию, посмотри, если не понравится, переделаем.

— Сказав это, он с улыбкой осмотрел новых актёров, их яркие глаза и гибкие тела, и на его лице появилась отеческая улыбка:

— Это подарок для ребят. Я три ночи не спал, чтобы написать, днём ещё лекции читал и на свадьбе Сюэ Цяньшаня был! Чуть не сдох от усталости! Смотри быстрее, не тяни! Если не прочитаешь, я тебе его в рот засуну!

Юань Лань, заинтересованная свадьбой Сюэ Цяньшаня, спросила:

— Седьмой господин был на свадьбе? Я не пошла. Как всё прошло?

<http://bllate.org/book/15435/1368681>